

ПЕРВАЯ КОАЛИЦИЯ

Вопреки всем официальным теориям, декларациям и вывескам, власть числилась за Временным правительством только на бумаге. Революция, невзирая на противодействие так называемой демократии, шла вперед, поднимала новые массы, укрепляла советы, вооружала, хоть и в ограниченном объеме, рабочих. Местные комиссары правительства и состоявшие при них Общественные комитеты, в которых обычно преобладали представители буржуазных организаций, естественно и без усилий оттеснялись советами. В тех случаях, когда агенты центральной власти пытались упорствовать, вырастали острые конфликты. Комиссары обвиняли местные советы в непризнании центральной власти. Буржуазная печать начинала вопить, что Кронштадт, Шлиссельбург или Царицын отложились от России и превратились в самостоятельные республики. Местные советы протестовали против этой бессмыслицы. Министры волновались. Правительственные социалисты ездили на места, уговаривали, грозили, оправдывались перед буржуазией. Но все это не меняло соотношения сил. Неотвратимость процессов, подрывавших двоевластие, выражалась уже в том, что они, хоть и неодинаковым темпом, развертывались во всей стране. Из органов контроля советы превращались в отделы управления. Они не мирились ни с какой теорией разделения властей и вмешивались в управление армией, экономические конфликты, вопросы продовольствия и транспорта, даже в судебные дела. Советы декретировали под давлением рабочих 8-часовой рабочий день, снимали слишком реакционных администраторов, отставляли наиболее невыносимых комиссаров Временного правительства, производили аресты и обыски, закрывали враждебные газеты. Под влиянием все обострившихся продовольственных затруднений и товарного голода провинциальные советы становились на путь таксаций, запрещений вывоза из пределов губернии и реквизиции запасов. Между тем во главе советов повсеместно стояли эсеры и меньшевики, с негодованием отвергавшие большевистский лозунг "Власть советам".

Чрезвычайно поучительна в этом отношении деятельность Совета в Тифлисе, в самом сердце меньшевистской Жиронды, давшей Февральской революции таких вождей, как Церетели и Чхеидзе, и затем приютившей их, когда они безнадежно израсходовали себя в Петрограде. Тифлисский Совет, руководимый Жордания, будущим главой независимой Грузии, на каждом шагу оказывался вынужден попирать принципы господствовавшей в нем партии меньшевиков и действовать как власть. Совет конфисковал для своих нужд частную типографию, производил аресты, сосредоточил в своих руках расследование и суд по политическим делам, нормировал хлебный паек, таксировал продукты питания и предметы первой необходимости. Расхождение между официальной доктриной и жизнью, установившееся с первых дней, в течение марта и апреля только возрастало.

В Петрограде соблюдался, по крайней мере, декорум, хотя, как мы видели, далеко не всегда. Апрельские дни, однако, слишком недвусмысленно приподняли завесу над бессилием Временного правительства, у которого и в столице не оказалось серьезной опоры. В последнюю декаду апреля правительство томилось и угасало. "Керенский с тоской говорил, что правительства уже нет, что оно не работает, а только обсуждает свое положение" (Станкевич). Об этом правительстве можно вообще сказать, что до самых дней Октября оно в трудные моменты переживало кризисы, а в промежутках между кризисами... существовало. Непрерывно "обсуждая свое положение", оно так и не нашло времени заняться делами.

Из кризиса, созданного апрельской репетицией будущих боев, теоретически мыслимы были три выхода. Либо власть должна была перейти полностью к буржуазии: это можно было осуществить не иначе как путем гражданской войны; Милюков попробовал, но сорвался. Либо нужно было передать всю власть в руки советов: этого можно было достигнуть без какой бы то ни было гражданской войны, одним поднятием рук -- стоило захотеть. Но соглашатели не хотели захотеть, а массы еще сохраняли в соглашателей веру, хотя уже с трещиной. Таким образом, оба основных выхода -- по буржуазной, как и по пролетарской линии -- оказались закрыты. Оставалась третья возможность: путаный, половинчатый, трусливый полувыход компромисса. Имя его -- коалиция.

На исходе апрельских дней социалисты не имели и в мыслях коалиции: эти люди вообще никогда ничего не предвидели. Резолюцией 21 апреля Исполнительный комитет официально превратил двоевластие из факта в конституционный принцип. Но сова мудрости и на этот раз совершила свой полет слишком поздно: юридическое освящение мартовской формы двоевластия -- цари и пророки -- произошло в тот момент, когда эта форма оказалась взорвана выступлением масс. Социалисты пытались закрыть на это глаза. Милюков рассказывает, что, когда со стороны правительства поставлен был вопрос о коалиции, Церетели заявил: "Какая вам польза от того, что мы войдем в ваш состав? Ведь мы... в случае вашей неуступчивости, вынуждены будем с шумом выйти из министерства". Церетели пытался испугать либералов своим будущим "шумом". Как и всегда, в обоснование своей политики меньшевики апеллировали к интересам самой буржуазии. Но вода подошла к горлу. Керенский запугивал Исполнительный комитет: "Правительство сейчас находится в невозможно тяжелом положении; слухи об уходе не представляют собой никакой политической игры". Одновременно шло давление со стороны буржуазных кругов. Московская городская дума вынесла резолюцию в пользу коалиции. 26 апреля, когда почва была достаточно подготовлена, Временное правительство заявило в особом воззвании о необходимости привлечения к государственной работе "тех активных творческих сил страны, которые не участвовали в ней". Вопрос был поставлен ребром.

Настроения против коалиции были все же достаточно сильны. В конце апреля против вхождения социалистов в правительство высказались:

Московский Совет, Тифлисский, Одесский, Екатеринбургский, Нижегородский, Тверской и другие. Их мотивы были очень ярко выражены одним из меньшевистских вождей в Москве: если социалисты войдут в правительство, некому будет вводить движение масс "в определенное русло". Но это соображение трудно было внушить рабочим и солдатам, против которых оно было направлено. Массы, поскольку они еще не шли за большевиками, сплошь стояли за вхождение социалистов в правительство. Если хорошо, что Керенский -- министр, то шесть Керенских еще лучше. Массы не знали, что это называется коалицией с буржуазией и что буржуазия хочет прикрыться социалистами против народа. Из казармы коалиция выглядела иначе, чем из Мариинского дворца. Массы хотели социалистами вытеснить буржуазию из правительства. Так два нажима, шедших в противоположных направлениях, сочетались на мгновение воедино.

В Петрограде ряд воинских частей, в том числе и дружественный большевикам броневой дивизион, высказались за коалиционное правительство. За коалицию голосовала в подавляющем большинстве провинция. Коалиционные настроения преобладали у эсеров; они опасались только идти в правительство без меньшевиков. За коалицию была, наконец, армия. Один из ее делегатов неплохо выразил позже, на июньском съезде советов, отношение фронта к вопросу о власти: "Мы думали, что тот стон, который испустила армия, когда узнала, что социалисты не хотят войти в министерство, совместно работать с людьми, которым не верят, в то время когда вся армия принуждена продолжать умирать с людьми, которым она не верит, -- этот стон донесся до Петрограда".

Решающее значение в этом вопросе, как и в других, имела война. Социалисты сперва собирались отсидеться от войны, как и от власти, переждать. Но война не ждала. Не ждали союзники. Не хотел больше ждать фронт. Как раз во время правительственного кризиса приезжали в Исполком делегаты фронта и ставили своим вождям вопрос: воюем мы или не воюем? Это означало: берете ли вы на себя ответственность за войну или нет? Отмалчиваться было нельзя. Тот же вопрос ставила и Антанта на языке полуугроз.

Апрельское наступление на западноевропейском фронте обошлось союзникам очень дорого и не дало результатов. Во французской армии начинались шатания под влиянием русской революции и неудачи самого наступления, на которое возлагалось столько надежд. Армия, по словам маршала Петена, "изгибалась в руках". Чтобы задержать этот угрожающий процесс, французскому правительству необходимо было русское наступление, а до того -- хотя бы твердое обещание наступления. Помимо материального облегчения, которое должно было быть таким путем достигнуто, нужно было как можно скорее сорвать ореол мира с русской революции, вытравить надежду из сердец французских солдат, скомпрометировать революцию соучастием в преступлениях Антанты, втоптать знамя восстания русских рабочих и солдат в кровь и грязь империалистической бойни.

Для достижения этой высокой цели приведены были в движение все рычаги. Не последнее место среди них занимали патриотические социалисты Антанты. В революционную Россию командированы были наиболее испытанные из них. Они прибыли во всеоружии покладистой совести и языка без костей. "Иностранцы социал-патриоты... -- пишет Суханов, -- принимались с распростертыми объятиями в Мариинском дворце. Брантинг, Кашен, ОТреди, Дебрукер и проч. чувствовали себя там в родной сфере и составляли с нашими министрами единый фронт против Совета". Надо признать, что даже соглашательскому Совету бывало часто не по себе от этих господ.

Союзные социалисты объезжали фронты. "Генерал Алексеев, -- писал Вандервельде, -- делал все, чтобы наши усилия были приложены к тем, которые были предприняты несколько ранее делегациями моряков Черного моря, Керенским, Альбертом Тома для того, чтобы довершить то, что он называл моральной подготовкой наступления". Председатель Второго Интернационала и бывший начальник штаба Николая Второго нашли таким образом общий язык в борьбе за светлые идеалы демократии. Ренодель, один из вождей французского социализма, мог с облегчением воскликнуть: "Теперь мы можем не краснея говорить о войне за право". С опозданием на три года человечество узнало, что у этих людей были кое-какие основания краснеть.

Первого мая Исполнительный комитет, пройдя все существующие в природе стадии колебаний, большинством в 41 голос против 18 при 3 воздержавшихся постановил наконец принять участие в коалиционном правительстве. Против этого голосовали только большевики и группка меньшевиков-интернационалистов.

Не лишено интереса, что жертвой более тесного сближения демократии с буржуазией пал признанный вождь буржуазии Милюков. "Не я ушел, меня ушли", -- говорил он впоследствии. Гучков устранился еще 30 апреля, отказавшись подписать "Декларацию прав солдата". Как мрачно было уже в те дни у либералов на душе, видно из того, что Центральный комитет кадетской партии для спасения коалиции решил не настаивать на сохранении Милюкова в старом правительстве. "Партия предала своего вождя", --- пишет правый кадет Изгоев. Выбор у нее был, впрочем, невелик. Тот же Изгоев говорит вполне основательно: "В конце апреля кадетская партия была разбита наголову. Морально она получила удар, от которого уже никогда не могла оправиться".

Но и в вопросе о Милюкове последнее слово принадлежало Антанте. Англия была вполне согласна на замену дарданелльского патриота более выдержанным "демократом". Хендерсон, который прибыл в Петроград с полномочиями заменить, в случае надобности, Бьюкенена на посту посла, ознакомившись с положением дел, признал такую замену излишней. Действительно, Бьюкенен был как раз на месте, ибо он оказался решительным противником аннексий, поскольку они не совпадали с аппетитами Великобритании. "Раз России не нужен Константинополь, --

нежно нашептывал он Терещенко, -- то, чем скорее она об этом заявит, тем будет лучше". Франция сперва поддерживала Милюкова. Но тут сыграл свою роль Тома, который, вслед за Бьюкененом и советскими вождями, высказался против Милюкова. Так ненавистный массам политик был покинут союзниками, демократами и, наконец, собственной партией.

Милюков не заслужил, в сущности, такой жестокой казни, по крайней мере из этих рук. Но коалиция требовала очистительной жертвы. Милюкова изобразили перед массами в качестве злого духа, омрачавшего всеобщее торжественное шествие к демократическому миру. Отсекши Милюкова, коалиция одним ударом очищалась от грехов империализма.

Состав коалиционного правительства и его программа были утверждены Петроградским Советом 5 мая. Большевики собрали против коалиции всего 100 голосов. "Собрание горячо приветствовало ораторов-министров...

-- иронически повествует об этом заседании Милюков.

-- Теми же бурными аплодисментами был принят, однако, только что накануне приехавший из Америки Троцкий, "старый вождь первой революции", который резко осуждал вступление социалистов в министерство, утверждая, что теперь "двоевластие" не уничтожится, а "лишь перенесется в министерство", и что настоящее единовластие, которое "спасет" Россию, наступит только тогда, когда будет сделан "следующий шаг -- передача власти в руки рабочих и солдатских депутатов". Тогда наступит "новая эпоха -- эпоха крови и железа, но уже в борьбе не наций против наций, а класса страдающего, угнетенного против классов господствующих". Таково изображение Милюкова. В заключение своей речи Троцкий формулировал три правила политики масс -- "три революционных заповеди: не доверять буржуазии; контролировать вождей; полагаться только на собственные силы". По поводу этого выступления Суханов отмечает: "На сочувствие своей речи он заведомо не рассчитывал". И действительно: проводили оратора гораздо более холодно, чем встретили. Суханов, весьма чуткий к интеллигентским кулуарам, присовокупляет: "Про него, не примкнувшего к большевистской партии, уже ходили слухи, что будто бы он "хуже Ленина".

Социалисты взяли себе шесть портфелей из пятнадцати. Они хотели быть в меньшинстве. Даже решившись открыто приобщиться к власти, они продолжали игру в поддавки. Князь Львов оставался премьером. Керенский стал военным и морским министром. Чернов -- министром земледелия. Милюкова на посту министра иностранных дел заменил знаток балета Терещенко, ставший одновременно доверенным лицом Керенского и Бьюкенена. Все трое сходились на том, что Россия может отлично обойтись без Константинополя. Во главе юстиции стал ничтожный адвокат Переверзев, приобретший впоследствии кратковременную славу в связи с июльским делом большевиков. Церетели ограничился портфелем почты и телеграфа, чтобы сохранить свое время для Исполнительного комитета. Скобелев, ставший министром труда, пообещал стгоряча ограничить прибыль

капиталистов на все 100% -- эта фраза скоро стала крылатой. Для симметрии министром торговли и промышленности был назначен крупнейший московский предприниматель Коновалов. Он привел с собой несколько фигур московской биржи, которым вручены были важнейшие государственные посты. Коновалов уже через две недели, впрочем, вышел в отставку, протестуя таким путем против "анархии" в хозяйстве, а Скобелев еще ранее того отказался от покушений на прибыль и занялся борьбой с анархией: тушил стачки, призывая рабочих к самоограничению.

Декларация правительства состояла, как полагается коалиции, из общих мест. Она упоминала о деятельной внешней политике в пользу мира, о разрешении продовольственных и о подготовке земельных вопросов. Все это были надутые фразы. Единственный серьезный, по Крайней мере по намерениям, пункт гласил о подготовке армии "к оборонительным и наступательным действиям для предотвращения возможного поражения России и ее союзниц". В этой задаче, в сущности, и резюмировался высший смысл коалиции, которая создавалась как последняя ставка Антанты в России.

"Коалиционное правительство, -- писал Бьюкенен, -- представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте". Так за платформами, речами, соглашениями и голосованиями либеральных и демократических вождей Февральской революции стоял империалистский режиссер в лице Антанты. Оказавшись вынужденными столь поспешно вступить в состав правительства во имя интересов враждебного революции фронта Антанты, социалисты взяли на себя около трети власти и всю войну.

Новому министру иностранных дел пришлось на две недели задержать опубликование ответов союзных правительств на декларацию 27 марта, чтобы выхлопотать такие стилистические изменения, которые маскировали бы полемику против декларации коалиционного кабинета. "Деятельная внешняя политика в пользу мира" выражалась отныне в том, что Терещенко усердно редактировал текст дипломатических телеграмм, составлявшихся для него старыми канцеляриями, и, перечеркивая "притязания", писал "требования справедливости", а вместо "обеспечения интересов" надписывал "благо народов". Милюков с легким зубовным скрежетом говорит о своем преемнике: "Союзные дипломаты знали, что "демократическая" терминология его депеш является невольной уступкой требованиям момента, -- и относились к ней снисходительно".

Тома и недавно прибывший Вандервельде не сидели сложа руки: они усердно истолковывали "благо народов" в соответствии с потребностями Антанты и не без успеха обрабатывали простаков из Исполнительного комитета. "Скобелев и Чернов, -- доносил Вандервельде, -- энергично протестуют против всякой идеи о преждевременном (prematuree) мире". Не мудрено, если Рибо, опираясь на таких помощников, уже 9 мая мог заявить французскому парламенту, что собирается дать удовлетворительный ответ Терещенко, "ни от чего не отказываясь".

Да, подлинные хозяева положения совсем не собирались отказываться от того, что плохо лежит. Как раз в эти дни Италия провозгласила независимость Албании и тут же поставила ее под свой протекторат. Это был не дурной предметный урок. Временное правительство собиралось протестовать, не столько во имя демократии, сколько из-за нарушенного "равновесия" на Балканах, но бессилие заставило его вовремя прикусить язык.

Новым во внешней политике коалиции явилось только торопливое сближение с Америкой. Эта свежая дружба представляла три немаловажных удобства: Соединенные Штаты не были так скомпрометированы военными гнусностями, как Франция и Англия; заатлантическая республика открывала перед Россией широкие перспективы в деле займов и военного снабжения; наконец, дипломатия Вильсона -- сочетание демократического ханжества с плутовством -- как нельзя лучше совпадала со стилистическими потребностями Временного правительства. Направив в Россию миссию сенатора Рута, Вильсон обратился к Временному правительству с одним из своих пасторских посланий, в котором заявлял: "Ни один народ не должен быть насильственно подчинен владычеству, под коим он не желает жить". Цель войны определялась американским президентом не совсем определенно, но заманчиво: "обеспечить будущий мир мира и будущее благосостояние и счастье народов". Что могло быть лучше? Терещенко и Церетели только этого и нужно было: свежие кредиты и общие места пацифизма. При помощи первых и под прикрытием вторых можно было заняться подготовкой наступления, которого требовал Шейлок на Сене, неистово потрясая всеми своими векселями.

Уже 11 мая Керенский выехал на фронт, открывая агитационную кампанию в пользу наступления. "Волна энтузиазма в армии растет и ширится" -- доносил Временному правительству новый военный министр, захлебывавшийся в энтузиазме собственных речей. 14 мая Керенский издает приказ по армии: "Вы пойдете туда, куда поведут вас вожди", и чтобы скрасить эту хорошо знакомую и малопривлекательную для солдат перспективу, он прибавлял: "Вы понесете на концах штыков ваших мир". 22 мая уволен был осторожный генерал Алексеев, достаточно, впрочем, бездарный, и заменен, в качестве верховного главнокомандующего, более гибким и предприимчивым генералом Брусиловым. Демократы изо всех сил готовили наступление, т. е. великую катастрофу Февральской революции.

* * *

Совет был органом рабочих и солдат, т. е. крестьян. Временное правительство было органом буржуазии. Контактная комиссия была органом соглашения. Коалиция упростила механику, превратив само Временное правительство в контактную комиссию. Но двоевластие этим нимало не устранялось. Был ли Церетели членом контактной комиссии или министром почты, не этот вопрос решал. В стране существовали две несовместимые государственные организации: иерархия назначенных сверху старых и новых

чиновников, увенчивавшаяся Временным правительством, и система выборных советов, спускавшаяся до самой отдаленной роты на фронте. Эти две государственные системы опирались на разные классы, которые только еще собирались свести свои исторические счета. *Идя* на коалицию, соглашатели рассчитывали на мирное и постепенное упразднение советской системы. Им казалось, что сила советов, концентрированная в их особах, перельется отныне в официальное правительство. Керенский категорически заверял Бьюкенена, что "советы умрут естественной смертью". Эта надежда стала вскоре официальной доктриной соглашательских вождей. По их мысли, центр тяжести местной жизни должен был из советов передвинуться в новые демократические органы самоуправления. Место Центрального исполнительного комитета должно было занять Учредительное собрание. Коалиционное правительство собиралось таким образом стать мостом к режиму буржуазной парламентской республики.

Но все дело в том, что революция не хотела и не могла идти этим путем. Судьба новых городских дум являлась в этом смысле недвусмысленным предвещанием. Думы выбраны были на основе самого широкого избирательного права. Солдаты голосовали наравне с гражданским населением, женщины наравне с мужчинами. В борьбе участвовали четыре партии. "Новое время", старый официоз царского правительства, одна из самых бесчестных в мире газет, -- а это кое-что значит!

-- призывало правых, националистов, октябристов голосовать за кадетов. Но когда политическое бессилие имущих классов вскрылось полностью, большинство буржуазных газет выдвинуло лозунг: "Голосуйте за кого хотите, только не за большевиков!" Во всех думах и земствах кадеты оказались правым крылом, большевики -- усиливающимся левым меньшинством. Большинство, обычно подавляющее, принадлежало эсерам и меньшевикам. Казалось бы, новые думы, которые отличались от советов большей полнотой представительства, должны были пользоваться большим авторитетом. К тому же как общественно-правовые учреждения думы имели огромное преимущество официальной государственной поддержки. Милиция, продовольствие, городской транспорт, народное образование официально находились в ведении дум. У советов, как "частных" учреждений, не было ни бюджета, ни прав. И тем не менее власть оставалась в руках советов. Думы представляли по существу муниципальные комиссии при советах. Соревнование советской системы с формальной демократией было по своим результатам тем более поразительным, что оно совершалось под руководством одних и тех же партий, эсеров и меньшевиков, которые, господствуя в думах, как и в советах, были глубоко убеждены, что советы должны очистить свое место перед думами, и сами пытались сделать в этом направлении все, что могли.

Разгадка этого замечательного явления, над которым сравнительно мало задумывались в водовороте событий, проста: муниципалитеты, как и всякие вообще учреждения демократии, могут действовать лишь на основе устойчивых общественных отношений, т. е. определенной системы

собственности. Суть революции состоит, однако, в том, что она эту основу основ ставит под знак вопроса, ответ на который может дать только открытая революционная проверка соотношения классовых сил. Советы, вопреки политике их руководства, были боевой организацией угнетенных классов, которые сознательно и полусознательно спланировались для изменения основ общественного строя. Муниципалитеты же давали равномерное представительство всем классам населения, сведенным к абстракции граждан, и были, в условиях революции, очень похожи на дипломатическую конференцию, которая объясняется условным и лицемерным языком, в то время как представляемые ею враждебные лагеря лихорадочно готовятся к бою. В будни революции муниципалитеты владели еще полуфиктивное существование. В поворотные же моменты, когда вмешательство масс определяло дальнейшее направление событий, муниципалитеты взрывались на воздух, их составные элементы оказывались по разные стороны баррикад. Достаточно было сопоставить параллельные роли советов и муниципалитетов в течение мая--октября, чтобы предвидеть заранее судьбу Учредительного собрания.

С созывом этого последнего коалиционное правительство не торопилось. Либералы, бывшие в правительстве, наперекор демократической арифметике, в большинстве совсем не спешили оказаться в Учредительном собрании бессильным правым крылом, каким они были в новых думах. Особое совещание по созыву Учредительного собрания начало работать лишь в конце мая, через три месяца после переворота. Либеральные юристы делили каждый волос на шестнадцать частей, взбалтывали в колбах все демократические отстой, препирались без конца об избирательных правах армии и о том, нужно или не нужно давать право голоса дезертирам, насчитывавшимся миллионами, и членам бывшей царской фамилии, насчитывавшимся десятками. О сроке созыва по возможности ничего не говорилось. Поднимать этот вопрос в совещании вообще считалось бестактностью, на которую способны только большевики.

Недели шли, но вопреки надеждам и предсказаниям соглашателей советы не отмирали. Временами и они, усыпленные и сбитые с толку своими вождями, впадали, правда, в полупрозрацию, но первый же сигнал опасности ставил их на ноги и обнаруживал неоспоримо для всех, что советы являются хозяевами положения. Пытаясь саботировать советы, эсеры и меньшевики оказывались вынуждены во всех важных случаях признавать их приоритет. Это выражалось, между прочим, и в том, что лучшие силы обеих партий были сосредоточены в советах. Для муниципалитетов и земств отводились люди второго ряда: техники, администраторы. То же наблюдалось и у большевиков. Только кадеты, не имевшие в советы доступа, сосредоточивали лучшие свои силы в органах самоуправления. Но безнадежное буржуазное меньшинство не могло превратить их в свою опору.

Таким образом, никто не считал муниципалитеты своими органами. Обострившиеся антагонизмы между рабочими и заводчиками, солдатами и офицерами, крестьянами и помещиками нельзя было открыто поставить на

обсуждение в муниципалитете или земстве, как это делалось в своем кругу, в Совете, с одной стороны, на "частных" собраниях Государственной думы и на всяких вообще совещаниях цензовых политиков -- с другой. Можно сговариваться с противником о мелочах, но нельзя с ним сговариваться о жизни и смерти. Если взять марксову формулу, гласящую, что правительство есть комитет господствующего класса, то придется сказать, что подлинные "комитеты" боровшихся за власть классов находились вне коалиционного правительства. В отношении Совета, представленного в правительстве как меньшинство, это было совершенно очевидно. Но это было не менее верно и в отношении буржуазного большинства. Либералы не имели никакой возможности серьезно и деловым образом сговариваться в присутствии социалистов о наиболее затрагивающих буржуазию вопросах. Вытеснение Милюкова, заведомого и неоспоримого вождя буржуазии, вокруг которого сплачивался штаб собственников, имело символический характер, обнаруживая до конца, что правительство во всех смыслах эксцентрично. Жизнь вращалась вокруг двух фокусов, из которых один был влево, а другой вправо от Мариинского дворца.

Не смея говорить в составе правительства, что думают, министры жили в атмосфере условности, которую они же создавали. Двоевластие, прикрытое коалицией, стало школой двоемыслия, двоедушия и всякой вообще двойственности. Коалиционное правительство переживало в течение шести дальнейших месяцев ряд кризисов, перестроек и перетасовок, но основные его черты бессилия и фальши оно сохранило до дня своей смерти.